

18+

ПРОТОКОЛ «АМБРОЗИЯ»

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ

"Секретный поезд. Тело вождя. И цена бессмертия."

Сергей Кузнецов

Протокол «Амброзия»

«Издательские решения»

Кузнецов С. В.

Протокол «Амброзия» / С. В. Кузнецов — «Издательские решения»,

Осень 1941 года. Война приближается к Москве, и в хаосе эвакуации из столицы уходит спецпоезд. Он везет тело Ленина, которое нужно спасти от наступающих немцев. Официальная версия гласит: в составе едет бальзамировщик Игорь Малиновский, чтобы обеспечить сохранность реликвии. Но в ту же ночь на его даче происходит ЧП, и вор по кличке Фантом вынужден занять место покойного профессора. Его цель — украсть секретные документы и исчезнуть. Вместо этого он оказывается в ловушке посреди сибирской тайги.

© Кузнецов С. В.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава 1. Последняя кража	9
Проникновение	10
Неожиданный свидетель	11
Стрельба и сердце	12
Документы и решение	13
Глава 2. Кремлевские тени	15
Кабинет с зеленой лампой	16
Роковой протокол	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Протокол «Амброзия»

Сергей Викторович Кузнецов

© Сергей Викторович Кузнецов, 2026

ISBN 978-5-0070-1586-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Спустя много лет, когда пыль архивов и политические бури улеглись, в руки автора попала странная рукопись. Никто не знает, была ли она написана рукой человека, называвшего себя Фантомом, или кем-то из тех, кто пришел после. Страницы пахли плесенью и чем-то неуловимо сладким — тем самым запахом, что описан в этих главах. Мы не беремся судить, где в этом повествовании заканчивается вымысел и начинается чудовищная правда, скрытая за грифами «Совершенно секретно».

Это не документальное расследование. Это попытка взглянуть на хорошо знакомый символ с той стороны, с какой его никто не видел. Что, если Мавзолей был не просто усыпальницей? Что, если за бальзамированием стояла не дань уважения, а научная ересь, попытка победить природу любой ценой? И что, если эта цена была заплачена человеческими жизнями — искалеченными судьбами, тайнами, унесенными в могилу, и теми, кто, как Фантом, навсегда остался между миром живых и мертвых?

Перед вами — версия событий, от которой стынет кровь. История о том, как один человек украл чужую личность, а нашел собственную, потерянную в лагерях и лабораториях. Это не просто триллер. Это готический роман, разыгранный на фоне советской эвакуации, где роль чудовища играет не упырь в плаще, а сама машина государства, стремящаяся создать себе бессмертного идола из живого материала.

Мы не знаем, нашли ли они ответы. Мы знаем только то, что поезд ушел. И где-то в глубине Сибири, быть может, до сих пор слышен тот самый ритмичный стук...

Пролог

24 января 1924 года. Усадьба Горки. 03:45.

Тишина в доме была неестественной, ватной. Казалось, даже обледеневшие ветки за окном перестали стучать по стеклу, боясь потревожить то, что лежало в соседней комнате. Смерть сама по себе редко приходит тихо, но эта была особенно громкой в своей тишине — она забрала человека, который еще недавно казался вечным.

В подвале, переоборудованном под лабораторию, горели три лампы. Их свет был тусклым и желтым, едва пробивающим густую тьму. Здесь, внизу, воздух был тяжелым, пропитанным карболкой, спиртом и тем сладковатым, тошнотворным запахом, который появляется, когда в дело вступают сильные консерванты.

Игорь Малиновский, еще молодой, но уже с сединой на висках, стоял над длинным столом. Его руки в перчатках лежали на холодном металле, пальцы нервно постукивали. Он смотрел на то, что раньше называлось лицом, а теперь стало «биологическим материалом высшей категории». Оно было спокойным, почти безмятежным. Врачи, дежурившие у постели, сделали свое дело: мышцы расслабились, черты застыли в торжественном покое. Так полагалось.

— Мы начинаем? — голос ассистента, стоящего за спиной, дрогнул.

Малиновский не ответил. Он смотрел на веки. Ему казалось, или они только что дрогнули? Нет. Не может быть. Клиническая смерть констатирована. Мозг — там, в черепной коробке, — превратился в то, чем он и должен быть. Но что-то не давало ему покоя. Что-то, что он заметил еще вчера, когда тело только привезли. Пальцы правой руки, которые сейчас лежали неподвижно, несколько часов назад были сжаты. Сжаты в кулак. Малиновский сам разжал их, осторожно, побаиваясь собственной смелости.

— Начнем, — сказал он наконец. — Первый этап по протоколу «Феникс». Вводим базовый состав.

Ассистент кивнул и взял длинный шприц с толстой иглой. В стеклянной емкости плескалась прозрачная, слегка тягучая жидкость. Она пахла горьким миндалем и чем-то еще, электрическим, как воздух перед грозой.

Малиновский взял себя в руки. Он знал, что сейчас начнется. Это был не ритуал прощания, который увидят миллионы. Это была операция. Первая в своем роде. Эксперимент, целью которого было не сохранить оболочку, а создать основу для того, что потом назовут «вечным телом». Он аккуратно подвел иглу к сонной артерии, нащупав пульс, которого там быть не могло.

— Ввожу, — сказал он, и игла вошла в холодную, восковую плоть.

В ту же секунду, совершенно явственно, Малиновскому показалось, что поезд, далекий и несуществующий, проехал где-то под землей. Здание дрогнуло. Или ему показалось? Он замер, прислушиваясь.

Ассистент смотрел на лицо на столе, и лицо это... менялось. Не так, как меняется мертвая плоть, впитывающая раствор. Оно словно бы... напряглось. Едва заметная тень пролегла между бровей. Веки, плотно сомкнутые, напряглись, будто спящий пытался открыть глаза.

— Профессор... — прошептал ассистент, пятясь назад.

Малиновский не ответил. Он медленно, дюйм за дюймом, нажал на поршень шприца. Жидкость ушла в тело. И в ответ тело... вздохнуло. Не судорожно, не рефлекторно. А глубоко, ровно, как человек, погруженный в тяжелый сон. Грудная клетка поднялась, потом опустилась. На стеклах очков Малиновского выступил конденсат от чужого, ледяного дыхания.

Тишина, следовавшая за этим, была разорвана громким, металлическим звуком. Это упал на пол поднос с инструментами. Ассистент стоял белый, как мел, его трясло.

— Запишите, — голос Малиновского был сухим и ровным, хотя рука, державшая шприц, дрожала. — 04:17. Зафиксировано восстановление спонтанного дыхания. Сердечная активность не обнаруживается. Температура тела... — он замолчал, глядя на термометр, вставленный под мышку, и его лицо исказила гримаса, в которой ужас смешался с восторгом. — Температура тела повышается. От 33.2 до 34.6 по Цельсию.

Он отступил на шаг, чувствуя, как комната идет кругом. Это было не бальзамирование. Это было воскрешение. Грубое, чудовищное, материалистическое воскрешение с помощью химии, электричества и стали. Они переступили черту, за которой не было возврата. Они не сохраняли вождя. Они создавали нечто иное. Живое. Мертвое. Бессмертное.

Из угла лаборатории, из динамика полевого телефона, раздался сухой треск. Потом — голос. Тихий, вкрадчивый, с кавказским акцентом. Голос человека, который никогда не спал.

— Ну что, Игорь Викторович? Проснулся наш Ильич?

Малиновский обернулся, словно ожидая увидеть говорившего. Его губы шевельнулись, но он не смог произнести ни слова. Он только перевел взгляд с аппарата на тело на столе. Грудная клетка снова поднялась. И в этой комнате, пахнувшей формалином и амброзией, родилась новая, страшная эра. Эра, где смерть переставала быть концом, а становилась всего лишь... временным осложнением.

— Он... дышит, — наконец выдавил Малиновский в темноту. — Он жив.

В динамике послышался тихий, удовлетворенный смешок.

— Отлично. Продолжайте. У нас впереди еще много работы. И много... доноров.

Связь оборвалась. А в подвале, под пристальным взглядом мертвых, но дышащих глаз, началась та самая работа, которую потом назовут «Протокол Амброзия». Имя ее было — бессмертие.

Глава 1. Последняя кража

Воздух над подмосковным лесом был мёртвым и тяжёлым, как выдох больного тифа. Он не дрожал от жары, не колыхался от ветра — он висел, густой и серый, неподвижный маревом там, где его не должно было быть. Война, катилась с запада, принесла с собой не только запах гари. Она принесла это: неестественный, холодный туман в разгар июльского зноя, пропитанный сладковатым душком тления и химической горечью. Люди в деревнях шептались, что это души сожжённых городов догоняют отступающих, что земля сама вспоминает старые, забытые ужасы.

Фантом знал правду. Он видел, как неделю назад, на закате, к этой самой даче главного бальзамировщика СССР Малиновского подъезжали три чёрных «воронка». Не по дороге — через лес, давя молодые сосенки. Оттуда выгрузили что-то длинное и тяжёлое, завернутое в брезент. С тех пор туман и не рассеивался.

Это не было природой. Это было прикрытием. И он собирался его сорвать.

Он замер в двухстах метрах от забора, слившись с тенью векового пня. Его пальцы в тонких кожаных перчатках сами по себе, вне воли, постукивали по металлическому футляру в кармане. Отмычки. Фонарик с синим фильтром. Складной нож — не для людей, для проводов и пломб. Последние инструменты его последней кражи. После этого — эвакуация, исчезновение, новая жизнь на другом конце страны. Если, конечно, то, что он ищет, действительно здесь.

Дача Малиновского — бревенчатый терем с резными ставнями — выглядела нелепо. Как декорация. Двухметровый забор, колючая проволока, но без вышек. Камеры у ворот, но их провода висели петлями, будто их монтировали второпях или в полной уверенности, что сама мысль о проникновении сюда — кощунство. Но Фантом видел следы свежей глины у дренажной канавы, сломанную ветку сирени под окном — признаки недавней, спешной работы. Не по укреплению. По сокрытию.

И этот туман. Он не просто висел. Он пульсировал. Словно гигантские, невидимые лёгкие вдыхали и выдыхали его из-под земли. Воздух на вкус был металлическим, с привкусом формалина и старой крови. Тот же запах, что стоял в морге Боткинской больницы в далёком 24-м, перед тем как его жизнь разломилась надвое. Запах, после которого он навсегда перестал быть тем мальчиком и стал Фантомом.

Информатор из НКВД, продавший ему схему охраны, умолял его не лезть. «Там не золото, не чертежи. Там дьяволыщина, от которой сходят с ума. Малиновский не бальзамировщик. Он жрец. А его новый экспонат — не покойник».

Фантом выдохнул, и его дыхание не стало облачком, а растворилось в общем, густом марева. Он поднялся. Пора. Последняя кража. Кража правды, которая, как он чувствовал кожей, была страшнее любого мифа о дьяволыщине. Он сделал шаг из тени, и серый туман сомкнулся за его спиной, как вода.

Проникновение

Он замер в кустах ольшаника, наблюдая за патрулем. Два охранника в гимнастерках защитного цвета, с новенькими ППШ на плечах, лениво обходили периметр. Их голоса доносились глухо, обрывками. Болтали о какой-то Манечке с соседней фермы и о том, что скоро и фронтовые сто грамм не выпьешь и все горилки отменят. Когда они, посмеиваясь, скрылись за углом дачи, Фантом рванул с места. Его тело, поджарое и жилистое, преодолело полосу открытого пространства за несколько бесшумных секунд. Он не бежал — он низко стлался, как зверь.

В 18:47, точно следуя схемам, он оказался у старого дренажного канала. Бетонная плита у его основания отходила от земли, обнажая жгут толстых проводов в пропитанной битумом оплетке. Фантом достал из футляра компактные кусачки с изолированными ручками. Два провода — синий и красный — были аккуратно перерезаны. Он затаил дыхание, ожидая возможного воя сирены. Ничего. Только стрекот кузнечиков и далекий шум леса. Система сигнализации, как и многое в этой странной «крепости», явно глючила или была отключена по халатности.

18:53. Вентиляционная шахта, замаскированная под керамическую трубу для стока воды, оказалась уже, чем он рассчитывал по чертежам. Пришлось снять кожаную куртку и протискиваться, отталкиваясь локтями и коленями. Ржавые заусенцы металла скрежетали по его гимнастерке, царапая кожу на спине даже через ткань. Внутри стоял тяжелый, спертый воздух, пропахший плесенью, сырой землей и чем-то еще — резким, химическим, сладковато-приторным. Формалином. Запах проникал в ноздри и обволакивал язык металлическим привкусом.

19:02. Он вывалился из шахты в подвал, приземлившись на груды старых мешков с каким-то сыпучим материалом. Пыль взметнулась столбом. Он замер, прислушиваясь. Темнота была абсолютной, кроме узкой полоски света под дверью наверху. Когда зрение адаптировалось, он различил ряды стеллажей. На них стояли стеклянные банки и цилиндры, заполненные мутной желтоватой жидкостью. Внутри плавали бледные, размытые формы — почки, печень, сердце... Анатомическая коллекция. На стене, прямо перед ним, висел портрет Сталина в дешевой рамке. Кто-то нарисовал под ним мелом кривую стрелку и надпись: «Срок проверки — 15.10.41». Дата, которая казалась сейчас из другой, невообразимой реальности. Осень. Успеют ли?

И тут он услышал музыку.

Неожиданный свидетель

Сверху, сквозь толщу деревянных перекрытий, лилась скрипичная соната. Чисто, профессионально, с грустной, задумчивой интонацией. Чайковский или, может, Бетховен. Кто-то был дома. Фантом сжал кулаки. По наводке его источника из недр самого НКВД, Малиновский должен был быть в Москве на совещании в Наркомздраве до позднего вечера. Значит, планы изменились. Или его намеренно дезинформировали. Мысль об этом прозвучала в голове коротким, тревожным звонком, но он тут же заглушил ее. Работа есть работа. Нужно действовать.

Он бесшумно поднялся по узкой, крутой лестнице, ведущей в жилую часть. Скрипка звучала теперь отчетливей. Она доносилась из гостиной. Дверь в кабинет, расположенная в противоположном конце темного коридора, была приоткрыта. В щель виднелся угол массивного сейфа «Красный пролетарий» — темно-зеленого, с массивным литым колесом. Именно там, по данным, хранились не только чертежи проекта нового, более защищенного мавзолея, но и, возможно, личные дневники Малиновского с записями о... нетрадиционных экспериментах.

Фантом прислушался. Музыка играла громко, заполняя собой весь дом. Но теперь, помимо чистых нот скрипки, он различил другие звуки. Хлюпающие, чавкающие. Кто-то ел. Суп? Кашу? Звук был неприятным, животным, диссонирующим с утонченной музыкой.

19:17. Он принял решение. Быстро, как тень, проскользнул в кабинет. Комната была обставлена с партийной помпезностью, лишенной вкуса: дубовый стол весом в полтонны, кресло с гнутыми гвоздями и красным бархатом, книжные шкафы, набитые медицинскими фолиантами на немецком и русском. На стене — увеличенное фото: Малиновский в белом халате стоит рядом с Берией в пенсне; оба улыбаются, но улыбки выглядят как гримасы. Фантом не стал смотреть на фото. Его цель был сейф.

Он опустился на колени перед тяжелой дверцей, достал из кармана отмычки. Его пальцы в перчатках работали автоматически, переводя сложный механизм на язык вибраций. Щелчки, едва слышные под звуки скрипки, рассказывали ему историю замка. Он углубился в работу, сузив мир до кончиков стальных шупов.

Щелчок. Решающий.

В этот момент музыка в гостиной резко оборвалась на высокой ноте. Тишина, наступившая вслед, была оглушительной.

Фантом замер, не шевелясь, у сейфа.

Шаги. Тяжелые, неторопливые. По коридору.

Дверь кабинета тихо распахнулась.

На пороге стоял пожилой мужчина в расстегнутом военном кителе образца 1935 года. В одной руке он держал бокал с остатками темно-янтарного коньяка, в другой — старый, но ухоженный наган. Его лицо было осунувшимся, глаза мутными от усталости и, возможно, выпитого. Но рука с пистолетом была тверда, как скала.

— Я ждал вас, — хрипло, без эмоций, сказал Игорь Малиновский. Его голос звучал устало, как у человека, выполняющего давно надоевшую формальность.

Стрельба и сердце

Фантом медленно поднялся, держа руки в поле зрения старика. Мозг лихорадочно проигрывал варианты. Нападение? Бегство через окно?

— Кто вас прислал? — Малиновский поднял пистолет выше, целясь в центр груди. Его мутный взгляд вдруг обрел остроту, стал хищным, изучающим. — Свои? Или... чужие? Говорите. У меня мало времени, а у вас — и того меньше.

Фантом не ответил. Он сделал едва заметное движение плечом, как будто потянулся за полкой куртки. Искусственный отвлекающий маневр.

Старик выстрелил.

Грохот в замкнутом кабинете был оглушительным. Пуля, не задев Фантома, пробила портрет Ленина над сейфом, оставив аккуратную дыру прямо между бровей вождя. Осыпалась штукатурка.

В ту же секунду Фантом рванулся. Не назад, а вперед, сгруппировавшись. Он не бил — он пнул, коротко и точно, как молот, в запястье Малиновского. Кость хрустнула под толстой кожей сапога. Наган с глухим стуком упал на персидский ковер, испещренный замысловатыми узорами.

Но старик не закричал от боли. Вместо этого он схватился левой рукой за грудь, чуть левее центра. Его лицо исказила гримаса невыносимой боли, губы моментально посинели. Он захрипел, и из горла вырвался свистящий, булькающий звук. Его глаза округлились от ужаса и осознания.

— Таблетки... — прохрипел он, уже оседая на пол, сползая по дубовому борту стола. — В столе... верхний ящик...

Фантом, действуя на чистом рефлексе, рванул к столу. Рукав его гимнастерки зацепился за ручку, он дернул сильнее. Ящик вылетел, и его содержимое — папки, печати, карандаши — рассыпалось по полу. Среди всего этого покотился маленький коричневый флакон с нитроглицерином. Фантом схватил его. Он был легким, пустым. На доньшке болталась одна-единственная, растаятая пилюля.

— Где еще?! — рявкнул он, поворачиваясь к Малиновскому.

Но было уже поздно. Главный бальзамировщик СССР лежал на боку, уткнувшись лицом в ворс ковра. Его стеклянные, неподвижные глаза смотрели в пустоту потолка. Рот был приоткрыт в немом крике. Грудь не поднималась. Тишина в кабинете стала теперь окончательной и веской, как свинцовая плита.

Фантом стоял над телом, слушая стук собственного сердца в ушах. План рухнул. Он не просто провалил задание. Он оставил здесь труп. Труп высокопоставленного, секретного человека. Охрана, выстрел... У него были минуты, от силы десятков.

Выстрел пробил портрет Ленина. Фантом пнул старика в запястье — наган упал. Малиновский, схватившись за грудь, прохрипел: «Таблетки... в столе...» Флакон с нитроглицерином оказался пуст. Через мгновение главный бальзамировщик был мертв, его стеклянные глаза уставились в потолок.

Фантом стоял над телом, оценивая катастрофу. План «А» рухнул. Нужен план «Б». И немедленно. Его взгляд метнулся к открытому сейфу, затем к столу. Нужно было понять, что здесь ценного, и исчезнуть до того, как...

Документы и решение

В этот момент пронзительный, механический вой разорвал тишину снаружи. Тревога. Охрана наконец заметила обрыв проводов на дренажном канале или обнаружила следы проникновения. По двору забегали лучи фар, слышались приглушенные крики и лязг затворов. Время, отмерянное ему судьбой, истекло.

Адреналин ударил в виски, заставив мысли метаться с невероятной скоростью. Бежать? Двор освещен прожекторами, периметр будет на замке. Шансы — минимальны. Спрятать тело? В подвал, за банки? Его найдут через час, а то и раньше, обыскав каждый угол. Он окажется в ловушке.

Его взгляд, холодный и аналитический, скользнул с грузного тела на полу на китель Малиновского, аккуратно висевший на спинке кресла. Темно-серый, генеральского кроя, с пустыми петлицами. Потом — на лицо покойного. Возраст, рост, телосложение... Не идеально, но сойдёт при тусклом свете и в условиях всеобщей паники.

Стать им.

Решение созрело мгновенно, без сомнений. Это был единственный ход, ведущий не к побегу, а к контролю над ситуацией.

Он лихорадочно начал рыться в ящиках стола и папках на полках, отбрасывая ненужное. Его пальцы выхватили три ключевых документа:

Паспорт Малиновского. Фотография — седой, строгий мужчина с орлиным носом. Похож. Если не всматриваться. Если смотреть украдкой, испуганно.

Приказ за подписью Бери. Сухой канцелярский язык: «Тов. Малиновскому И. В. надлежит незамедлительно выехать для сопровождения и обеспечения сохранности Объекта №1 в условиях чрезвычайной ситуации. Пункт назначения — Тюмень.» Дата — сегодняшняя.

Билет на спецпоезд. Бумажная карточка с гербом. Отправление с закрытого перрона №3 в 22:30. Через три часа.

Сердце Фантома учащенно забилося, но уже не от страха, а от азарта. Это был шанс. Не просто выжить, а уехать с места преступления на законных основаниях. И увезти с собой всё, что найдет.

19:31 — Шаги в коридоре. Тяжелые, быстрые. Не один человек. «Товарищ Малиновский? Вы в порядке? Слышали выстрел!»

Мгновение на раздумье. Он схватил китель, натянул его на свою гимнастерку. Ткань пахла табаком, лекарствами и формалином. Быстро прошелся руками по волосам, пригладив их назад, имитируя причёску покойного. Подобрал с ковра наган и сунул его в карман кителя. Взял паспорт, приказ и билет. 19:33.

Он глубоко, до дрожи в легких, набрал в грудь воздуха, расправил плечи под тяжелой тканью и нажал кнопку вызова на столе.

Дверь распахнулась. На пороге — молодой охранник с ППШ наготове, за ним маячили еще двое. Лица напряжены, глаза бегают по комнате, замечая беспорядок, выдвинутый ящик... на мгновение скользят по телу, лежащему в тени за массивным столом.

Фантом кашлянул — хрипло, с одышкой, так, как кашляют старики с больным сердцем, глухо и булькающе. Он повернулся к ним спиной, делая вид, что смотрит в окно на освещенный прожекторами двор, демонстрируя властный затылок и плечи в генеральском кителе.

— Что за безобразие? — его голос был сухим, раздраженным, с той самой интонацией начальственного шипения, которую он слышал у покойного минуту назад. — Стрелял в крысу. Пролезла, гадина. Испортила важные бумаги.

Он обернулся, дав охраннику мельком увидеть профиль. В полумраке, в тени — сойдёт.

— Ваши люди подняли панику из-за обрыва проводов? Безобразие! — он сделал шаг вперед, и охранник инстинктивно отступил. — Готовьте машину. Я еду в Кремль. Срочно. По приказу Лаврентия Павловича.

Слова «Берия» и «Кремль» подействовали как удар током. Охранник вытянулся в струнку, лицо побелело.

— Слушаюсь, товарищ Малиновский! Машина будет у подъезда через две минуты!

Когда дверь закрылась и шаги затихли в коридоре, Фантом позволил себе короткий, прерывистый выдох. Он подошел к зеркалу в резной раме на стене.

В отражении стоял Игорь Малиновский. Седые зачесанные назад волосы (быстро нанесенный грим из пыли и пепла), темный китель, сутулые, уставшие плечи. Лицо в полутьме казалось правильным — резким и утомленным.

Только глаза были другие. Не мутные от коньяка и усталости, а светящиеся холодным, ястребиным вниманием. Глаза загнанного зверя, который только что вышел из капкана и теперь сам готовится к охоте. В них читалась не смерть, а предельная, леденящая концентрация жизни.

Он сунул руку в карман, ощущая твердый контур нагана и шершавую бумагу билета. 22:30. Спецпоезд. Тюмень. У него было три часа, чтобы покинуть Москву, прикидываясь человеком, которого он только что уложил на персидский ковер. Самая дерзкая и опасная маскировка в его жизни только начиналась. А в сейфе, который он теперь мог опустошить не торопясь, лежали ответы, ради которых всё это было затеяно. Он повернулся от зеркала, его новые, чужие глаза уже высматривали в комнате следующую цель.

Глава 2. Кремлевские тени

22:17. Москва. Боровицкие ворота.

Черный «ЗиС-101» с затемненными стеклами, присланный с дачи, подкатил к КПП, и мир Фантома сузился до прямоугольника окна, через которое протянулась рука в синем суконном рукаве. Лезвие прожектора резало глаза, выхватывая из темноты каждую морщину на его лице, каждую каплю пота.

По спине Фантома, под грубым генеральским сукном, пробежал ледяной, игольчатый пот. Он был не из страха, а из предельной концентрации — тело мобилизовалось, готовясь к прыжку, которого не будет. Придется стоять. Говорить. Быть другим.

— Документы.

Крупный сержант НКВД в синей фуражке с малиновым верхом не улыбался. Его глаза, маленькие и пронзительные, как буравчики, изучали пассажира через стекло. За его спиной двое автоматчиков встали чуть шире, стволы ПППШ, не направленные прямо, но уже не висели беспечно — они были наготове. Металл ловил отсветы, мерцая тусклыми синими вспышками.

Фантом медленно, с подчеркнутой старческой неловкостью, подал сложенную папку. Его пальцы в тонких перчатках (он не снял их, рискнув — могли быть следы пороха или просто чужие отпечатки) слегка дрожали. Идеально рассчитанная дрожь. Он позволил им дрожать.

Удостоверение с толстой картонной обложкой и печатью Особого отдела — молотобоец, поражающий щит с буквами «НКВД».

Пропуск с синей диагональной полосой — уровень доступа, позволяющий ходить по воде в этих стенах.

Приказ за размашистой, узнаваемой подписью «Л. Берия».

Сержант изучал каждый листок долго, слишком долго. Сверил фото в удостоверении с лицом в машине. Фантом позволил себе устало, болезненно откинуться на подголовник, полукрыв глаза, как человек, измученный приступом. Тень от козырька фуражки падала на его верхнюю часть лица.

— Вы опаздываете, товарищ Малиновский. График нарушен.

Голос был ровным, без эмоций. Констатация. Сердце Фантома не заколотилось — оно на мгновение замерло, словно превратилось в комок льда где-то в районе солнечного сплетения, а потом с силой ударило в ребра, отдаваясь глухим гулом в ушах.

— Гипертонический криз, — выдохнул он, голос нарочито хриплый, сорванный, с легкой влажной хрипотцой в конце. Он имитировал не просто болезнь, а ее последствия — слабость после укола. — Врач... делал укол. Папаверин. Еле отпустил.

Он приложил руку к виску, изображая остаточную боль. Его взгляд скользнул по лицу сержанта, ища признаки: купилось или нет? В глазах охранника читалась не подозрительность, а раздражение обслуживающего персонала, которому начальство создает проблемы.

Часы на Спасской башне начали бить. Медленные, тяжелые удары, плывущие над ночной Москвой. Половина одиннадцатого. Сержант, щелкнув языком, отдал документы.

— Проезжайте.

Машина тронулась, плавно въезжая во внутренний двор, залитый неестественно ярким светом. Фантом не обернулся. Он чувствовал на своей спине, между лопаток, точку — воображаемое место прицела. Там, где его могли бы остановить навсегда.

Кабинет с зеленой лампой

Лифт с тяжелой бронзовой решеткой поднял его на третий этаж с медленным, задумчивым скрежетом. Когда дверь открылась, его ударил в нос комплексный запах власти:

Дорогой табак «Герцеговина Флор», сладковатый и густой. Кожа диванов и кресел — дорогая, выделанная, с оттенком воска и времени.

И под всем этим — страх. Невидимый, но ощутимый, как статическое электричество перед грозой. Он витал в воздухе, пропитывал ковровые дорожки, исходил от тихо скользящих по коридору курьерш с опущенными глазами.

Дверь с простой табличкой «Зам. нач. 1-го спецотдела» открыл ему лысый, сухопарый человек в пенсне. Его лицо, обычно наверное подобострастное, сейчас выражало испуганное нетерпение.

— Игорь Викторович! Наконец-то! Мы уже думали... — Он вдруг замолчал, вглядываясь. Пенсне слегка съехало на переносице. — Вы... плохо выглядите. Очень.

Фантом ответил приступом кашля — не того хриплого, что был у КПП, а глубокого, грудного, с которым человек заходится, кладя ладонь на грудь, прямо над сердцем. Он кашлял в кулак, закрывая нижнюю часть лица, пряча возможные несоответствия в мимике.

— Эвакуационный... стресс, — просипел он, отдышавшись. Прямой, начальственный тон. Куда подевались вещи? Где объект?

Лысый (фамилия, мелькнувшая на столе, — Успенский) понизил голос до конфиденциального шепота, хотя вокруг никого не было:

— В вагоне уже шестнадцать часов. Температурный режим поддерживается. Ждем только вас... — он сделал многозначительную паузу, — и вашего решения по протоколу N-14. Без него погрузку состава на особый путь не начнут.

Он жестом указал на массивный дубовый стол. В центре, под зеленым абажуром настольной лампы, лежал одинокий синий картонный файл. На нем готическим шрифтом было оттиснуто: «Совершенно секретно. Только лично. Вскрыть в присутствии адресата.»

Роковой протокол

Фантом сел в кресло, почувствовав, как пружины прогнулись под ним с тихим стоном. Его руки в перчатках были сухими, но внутри ладоней снова выступил тот самый ледяной пот. Он развернул файл.

И едва не выдал себя. Не криком, не движением. Просто дыхание его на миг перехватило, и зрачки, он чувствовал, резко сузились. Текст бил по сознанию, как удар тупым предметом:

«ПРОТОКОЛ экстренного бальзамирования №14

В связи с механическим повреждением защитной оболочки Объекта №1 при спешной погрузке 20.07.41 г. требуется незамедлительное проведение следующих процедур до начала движения состава:

1. Повторная инъекция состава «Амброзия-7» в концентрации 0.74% в магистральные сосуды.

2. Замена синусного раствора в полости черепа.

3. Локальная обработка области повреждения составом «Некрос-Б» с последующей временной герметизацией...»

Дальше шли столбцы химических формул, названия препаратов, температурные режимы. Язык, который он не понимал. Чужой язык. Перед ним был не просто документ — это был смертный приговор его легенде. Чтобы его подписать, нужно было быть богом в этой странной религии, жрецом которой был Малиновский.

— Вы ведь подготовили состав? — спросил Успенский, не скрывая тревоги. — Лаборатория на колёсах уже закреплена в хвосте поезда, но ключи от реактивной камеры у вас. Без «Амброзии-7» при малейшей тряске может начаться...

Он не договорил, но Фантом услышал недоговоренное: «...необратимая деструкция.»

В ушах зазвенело. Высокий, тонкий звук, заглушающий все остальное. Он видел, как губы Успенского двигаются, но не слышал слов. Мысли метались, ища выход. Признаться в некомпетентности? Немыслимо. Сделать вид, что всё под контролем? Но первый же реальный шаг разобьёт эту хрупкую маску в кровавое крошево.

— Конечно, — голос Фантома прозвучал откуда-то издалека, ровно и спокойно, к его собственному удивлению. — Но для процедуры... мне нужен мой личный ассистент. Соколова. Только она знает нюансы подготовки игл.

Успенский нахмурился, его лысина собралась в складки недоумения.

— Анна Петровна? Она уже в вагоне, сопровождает объект. Но... вы же никогда не допускали ее до основного процесса? Всегда говорили, что это — таинство для одного.

В кабинете повисло тягостное молчание. Фантом понимал, что нащупал край пропасти. Его легенда дала трещину.

И в этот момент дверь распахнулась без стука.

Вошёл молодой, безупречно выбритый офицер НКВД в форме капитана. Его взгляд, быстрый и всевидящий, скользнул по Успенскому, задержался на синем файле, а затем установился на Фантома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.